

- Ханзен-Лёве 2001 — Ханзен-Лёве О. А. Русский формализм. М., 2001.
 Ханзен-Лёве 2009 — Ханзен-Лёве О. А. «Антисексус» Платонова и антигенеративная утопия // Wiener Slawistischer Almanach. 2009. Bd 63. С. 167–190.
 Шкловский 1926 — Шкловский В. Третья фабрика. М., 1926.
 Шкловский 1970 — Шкловский В. Тетива. О несходстве сходного. М., 1970.
 Шкловский 1985 — Шкловский В. За 60 лет. Работы о кино. М., 1985.
 Шкловский 1990 — Шкловский В. Гамбургский счет. Статьи — Воспоминания — Эссе. 1914–1933. М., 1990.
 Яблоков 2001 — Яблоков Е. А. На берегу неба. Роман Андрея Платонова «Чевенгур». М., 2001.

Dhooge 2008 — Dhooge В. Творческое преобразование языка и авторская концептуализация у А. П. Платонова. Диссертация. Universiteit Gent. Gent. [2008].

ОБ ОДНОЙ «ТЕНЕВОЙ ФИГУРЕ» РУССКОГО БЕРЛИНА

(К истории журнала «Вещь»)

В литературно-художественном хронотопе русского Берлина тему авангардного искусства актуализировал не кто иной, как И. Эренбург. В столицу Германии поэт и журналист приехал в ноябре 1921 года. К этому времени он уже получил известность как автор ряда текстов в поддержку молодого советского искусства и, в частности, статьи «О некоторых признаках расцвета российской поэзии», опубликованной на страницах берлинского журнала «Русская книга» [Эренбург 1921]. В конце января 1922 года Эренбург вместе с художником-конструктивистом Эль Лисицким приступил к подготовке нового журнала под издательской маркой «Скифы».

Для многих представителей русской культурной эмиграции это стало неожиданностью. Берлинские «Скифы», организованные в 1920 году Е. Лундбергом и А. Шрейдером, позиционировали себя как неонародническое, близкое к левым эсерам издательство. И названием, и издательской политикой оно ориентировалось на одноименные сборники, выходящие в Петрограде в 1917 году под литературным и идейным руководством Ивана-Разумника, где печатались А. Ремизов, А. Белый, Л. Шестов, Е. Замятин, М. Пришвин, Н. Клюев, С. Есенин и другие литераторы. Берлинские «Скифы» также в основном печатали произведения авторов этого круга.

«Русская книга» проинформировала читателей о новом издательстве несколько месяцев спустя после его образования:

Возникшее в Берлине осенью нынешнего года [1920] издательство «Скифы» проявляет кипучую и разностороннюю деятельность <...> Сначала оно издало несколько (не очень удачных) книг политического содержания партийного характера (левых с.-р.). Особого успеха этим книгам (утопическим и нереальным), по-видимому, не суждено иметь ни в России, ни за границей. Потом оно перешло к изданию ряда новых поэтов, А. Блока, А. Белого, Есенина, Клюева, которых

можно охарактеризовать как революционных славянофилов или, как они себя сами называют, «скифов»¹.

Знакомство Шрейдера с Эренбургом состоялось в конце ноября 1921 года, когда формировался оргкомитет берлинского отделения Вольной Философской Ассоциации. Заседание инициативной группы проходило в помещении «Скифов»; оба они вошли в состав Совета ВФА². Эта встреча кардинальным образом изменила изначальный план издательства, так как Эренбургу удалось уговорить издателя субсидировать проект, ориентированный исключительно на авангардное искусство. Информация о подготовке нового художественного журнала под названием «Вещь» быстро разошлась по русскому Берлину после того, как «Руль» опубликовал рекламу издательства «Скифы»:

В феврале 1922 г. выйдет в свет в Берлине № 1 ежемесячного международного обозрения современного искусства под редакцией Эл. [так! — Е. О.] Лисицкого и Ильи Эренбурга ВЕЩЬ. Издание преследует двоякую цель: 1. Осведомление работников искусства в России о работе и достижениях Западно-Европейских мастеров и 2. Информацию Западу о художественной жизни России. Часть материала будет печататься на французском и немецком языках. В нем примут участие Гаусман, Глен, Дюуар, Гюинсбург, Иван Голль, Кошак, Краг, Леже, Маяковский, Малевич, Мейерхольд, Сальмон, Сандрар, Соффичи, Таггин, Таиров, дель-Торре, Шкловский, Чарли Чаплин и многие другие³.

Сохранившая переписка, освещающая литературную деятельность русской диаспоры начала 1920-х годов, выявляет отношение к новому проекту «Скифов» Ремизова, в тот момент тесно сотрудничавшего с издательством⁴. Судя по письму Шрейдера, написан-

1 Издательство «Скифы» в Берлине // Русская книга. 1921. Январь. № 1. С. 9.

2 Сообщение о вечере сотрудников и друзей «Скифов» 30 ноября в помещении издательства, в котором приняли участие Андрей Белый, Р. Р. Вальтер, Зин. А. Венгерова, Е. Г. Лундберг, Н. Минский, С. Ремизова-Довгелло, А. М. Ремизов, д-р В. Э. Заале, Лев Шестов, Александр Шрейдер и И. Эренбург, было опубликовано в газете «Руль» (1921. 3 декабря. № 318. С. 4).

3 Список членов Совета ВФА см.: Руль. 1921. 10 декабря. № 836. С. 3.

4 Руль. 1922. 5 февраля. № 372. С. 7.

5 В 1922 году в берлинском издательстве «Скифы» были напечатаны две книги Ремизова — «Чаахчыгыс — Таасу. Сибирский сказ» и «Лалзар. Кавказский сказ».

ному по «горячим следам» недавнего конфликта, 17 февраля между писателем и издателем по-видимому состоялся нелегальный разговор. На следующий день в продолжение уже состоявшейся беседы Шрейдер писал:

Дорогой Алексей Михайлович,
18 февраля 1922

Мне очень досадно, что мы с Вами из-за этой самой Вещи вчера поспорили. Я, быть может, был слишком горяч, но, мне кажется, что Вы тоже были крайне несправедливы: ведь вещь просто выбрасывают, не кипятясь, а эта — правда, кусает — и многих укусит: но зверь гораздо крупней; — Ваша горячность первое доказательство, что он «вошь». Мое контр нападение Вы, быть может, поймете, если расскажу Вам одну вещь из совсем недавнего прошлого.

Стоял Махно в Екатеринославе. При нем был не то лакеем, не то главнокомандующим или шутком знаменитый Грицко. Деникины осадили город. Грицко осколком разорвало живот. Притащили в лечебницу Должанского — «Щоб был жив!» — орет барин. Всего выпотрошило. Еле[еле] дышит — а батюкой не поспоришь. Кладут на стол. Начинают хлороформировать, а Грицко: «Не хочу — нихай багя мне в очи смотри!» Нагнулся над ним Махно, всю операцию простоял, а Грицко зажал губы зубами — его потрошат, ни звука.

Так вот этих Грицку [так! — Е. О.] все равно при ком они стоят — при большевиках или при Гессене, при Ремизове, Белом или Шестове — я от всей души презираю, хотя и удивляюсь их долготерпению и рабочему героизму. А Эренбург все что угодно — только не Грицко. Вы говорили, что не скиф я. Это оттого что не выпустил полного собрания в 12-и томах? Или из-за иудейского происхождения, разве? Вот народ-то скифский не количеством, а качеством прет.

Что, впрочем, за скифское считать? Я беру в расчет только волно и смелость искания.

Думаю, что мы с Вами еще не раз будем иметь случай говорить и о России, и том, что ей нужно. Меня только смутит Ваш совершенно непререкаемый тон. — Этого, мол, не примут. Помните, о Вашем «Слове о погибели» то же самое люди невнимающие говорили. А по мне «слово» лучшее из того, что Вы писали.

Жду Вас в понедельник обязательно.
Глубоко уважающий Вас А. Шрейдер⁵.

Тема письма демонстративно подчеркивалась уже тем, что отправление ИСПОЛЬЗОВАЛ изготoвлeнный по эскизу Лисицкого бланк

целая артель: Ремизов, Пастернак, Замятин, Пильняк и другие [Эренбург 1922: 102]⁸.

В идеологическом поле, где скрестились интересы петроградского и берлинского «скифства», особое символическое значение несло в себе название будущего журнала. Организаторы журнала ориентировались на поэму В. Маяковского «Человек. Вещь», отдельное издание которой вышло в Москве в 1918 году. Не случайно Эренбург в книге «А все-таки она вертится», вышедшей в берлинском издательстве «Геликон» 26 марта, называл поэму «Человек» «памятником Татлина в слове» [там же: 106], сопоставляя две вершины постреволюционного времени. У Ремизова заглавие журнала также, по всей вероятности, вызывало ассоциации с Маяковским, только уже не с самой поэмой, а с той философской интерпретацией творчества «поэта-трибуна», которая содержалась в статье о футуризме Иванова-Разумника, подготовленной для издания Репертуарной секции ТЕО Наркомпроса⁹.

Название поэмы критик обыгрывал как антитезу господства и подчинения в метафизических отношениях человека и вещи. С одной стороны, он использовал аргументацию Ф. Ницше, с другой — апеллировал к символике гоголевского «Вия». Немецкий философ в книгах «Так говорил Заратустра», а затем и в «Ессе Ното» описывал диалектический механизм превращения вещей в символы и последующего овладения человеком миром вещей. В отличие от Ницше Иванов-Разумник видел в корреляции человек / вещь исторический антагонизм, цивилизационную дилемму современной культуры. В его интерпретации футуризм так и не соизмерялся с «Вещью», повторив «историю Хомы Брута»:

Ведьма современной культуры, машинная Вещь, покорила его, поработила его, оседлала его, — и он, подпрыгивая, как верховой конь, понес ее на плечах своих [Иванов-Разумник 1922: 230].

Провозгласивший «себя революцией формы» [там же: 240]

⁸ Книга вышла в конце марта 1922 года.

⁹ Ремизов выступал одним из рецензентов статьи. Этот факт зафиксирован А. Блоком в записной книжке (запись от 9 января 1919 г.) [см.: Иванова 2012: 466]. Впоследствии Иванов-Разумник доработал текст, датированный декабрём 1918 — мартом 1919. Впервые статья была опубликована под заголовком «„Мистерия“ или „Буфф“» в сборнике «Искусство старое и новое» (Пб.: Алконост, 1921). См. также анализ лингвистического аспекта концепта «вещь» в работе И. Кукуя [Кукуя 2010].

с логотипом будущего журнала «Objet — Вещь — Gegenstand». Из письма следует, что Ремизов воспринял план издательства «Скифы» отдать журнал в руки апологета авангардизма крайне негативно. Парадоксальность ситуации заключалась в том, что его отношение с «предводителем скифов» [см.: Арзубьев 1918]⁶ после революционных событий конца 1917 — начала 1918 года претерпели серьезные изменения [подробнее см.: Обатнина 2007, 2009]. Тем не менее, резко высказываясь по поводу «Вещи» и личности Эренбурга, Ремизов апеллировал к авторитету именно Иванова-Разумника, усматривая в действиях берлинского издателя отступление от мировоззрения и эстетических идеалов «скифства». В свою очередь Шрейдер также понимал, на кого указывает Ремизов, говоря о том, что «нужно» России и чего там «не примут». Не случайно в своем письме он упоминает ситуацию, когда Иванов-Разумник, едва ли не единственный из литераторов, подверг жесткой критике напечатанное в «Скифах» «Слово о погибели Русской Земли» [Иванов-Разумник 1918]⁷.

Причины, по которым Ремизов в Берлине выступил в защиту «скифства», требуют объяснения. Писатель, чутко реагирующий на смену культурных парадигм, даже находясь в конфликтных идеальных отношениях со старыми литературными товарищами, несомненно предпочитал оставаться в границах символистской эстетики. Эренбург со своей идеей утилитарного искусства выступал провозвестником новой культуры, ориентированной на строительство нового мира. Эта культура выдвигала систему ценностей, прямо противоположную символистской аксиологии: вместо духовности — пафос вещи, вместо апологии творческого «Я» — апофеоз коллективной безличности. Если основу символистского мировосприятия составляла идея преображения мира новыми смыслами, то новое искусство, наоборот, насаждало принцип самодостаточной формы, заменяющей смыслы. Индивидуалистическое сознание Ремизова вряд ли было готово воспринять пассажи Эренбурга, характеризующие состояние современной прозы с точки зрения коллективного труда литераторов:

Проза. Общая тенденция: строительство романа. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ делает Эпопею <...>. Рядом с Белым, над теми же заданиями работает

⁶ Название статьи П. Губера, опубликованной под псевдонимом П. Арзубьев, которая была посвящена идеологической позиции Иванова-Разумника по отношению к русской революции.

⁷ Сборник вышел в печати декабре 1917 года.

футуризм, по вердикту критика, так и остался революционером «в области внешнего», не смог выйти на уровень смысла, который позволил бы превратить слово в символ. Чтобы стать своего рода «символистами футуризма», поэтам-новаторам следовало «преодолеть старческий „футуризм“, преодолеть „пустое место“, поскольку «преодоление пустоты — самое трудное для человека»; следовало, «наконец, победить в футуризме внешнее, победить Вещь, тирана старчески-футуристических душ» [там же: 230].

Занятая Ремизовым позиция в споре со Шрейдером дает все основания полагать, что писатель разделял программное выступление редактора петроградских «Скифов» в отношении футуризма. Письмо Шрейдера, сохраненное Ремизовым в его альбоме с корреспонденцией, — достоверный документ, свидетельствующий о том, что Ремизов воспринимал эстетику авангардизма с позиций символистского мировоззрения, для которого «вещность» жизни — демонический тупик для человека, ищущего смысл бытия.

Для Ремизова и других, по определению Эренбурга, представителей «гибнущей формы» [Эренбург 1922: 59] дух вечен и неизменяем, он «дышит, где хочет». Эренбург, в свою очередь, посвящая книгу «А все-таки она вертится» «торжеству нового духа» [там же: 17], выступал в роли одного из апостолов нового, «вещного», мировоззрения. Его журнал, короновавший «Вещь» на царствие, призван был засвидетельствовать практическую победу конечной ограниченной данности над духом¹⁰.

Показательно, что аргументы Ремизова, выдвинутые против издателя «Вещи», совпали с позицией Белого. Характеризуя положение «скифских» дел в эмиграции, Белый писал Иванову-Разумнику 11 марта 1922 года:

Ал[ександр] Абрам[ович] Шрейдер — Вы сами понимаете: 1) чужой нашей духу, 2) тащит, куда хочет <...>. При таком самостоятельном секретаре¹¹, абсолютно чужом подлинному «скифству» (берлинские «Скифы» после того, как они устроили совершенно вредный журнал «Вещь» рекламно-мертвенный, — мне совершенно чужды <...>) [Андрей Белый и Иванов-Разумник 1998: 238].

¹⁰ Ср.: «<...> он [Маяковский] — „тринадцатый апостол“ нового евангелия: благоевстия „вещи“» [Иванов-Разумник 1922: 237].

¹¹ В Берлине А. Шрейдер исполнял обязанности секретаря отделения Вольффильм, председателем которой был А. Белый.

Дальнейшие действия руководителя берлинских «Скифов» с очевидностью доказывают, что высказанные Ремизовым аргументы были услышаны. Первый сдвоенный выпуск журнала увидел свет в конце марта¹². Шрейдер, столкнувшись с резко критическими отзывами со стороны близких «Скифам» писателей, сделал шаг назад, опубликовав в первом номере журнала уведомление, напечатанное пегитом в самом конце издания перед рекламой: «В составлении „Вещи“ редакция Издательства „Скифы“ участия не принимает»¹³.

Эренбург между тем, получив в «Скифах» carte blanche на популяризацию идеологии и практики литературно-художественного авангарда, вместе с Лисицким выступил в первом номере «международного обозрения современного искусства» с манифестом конструктивизма. Главную цель издания отражал тезис: «делать современное в современности». Творческие задачи современного художника нового времени определялись рамками так называемого конструктивного искусства. Идея функциональности творчества имманентно присутствовала в самом названии журнала.

Месяц спустя после выхода первого номера «Вещи» авангардистское издание стало предметом широкого публичного обсуждения. «Дом Искусств» организовал специальное заседание, которое, по всей вероятности, состоялось в пятницу 28 апреля.

О тональности прений и позициях выступавших на заседании можно судить по подборке материалов, опубликованных в третьем номере «Вещи» (вышел в начале июня) под общим заголовком «Крестины „Вещи“», — в третьем разделе, озаглавленном «Гороскоп». Ее безымянный автор (по всей вероятности, Эренбург) не только высмеивает своих оппонентов, но и подробно объясняет собственную позицию:

Да, веселые были крестины. В берлинском «Доме искусств» целый вечер гадали о судьбе младенца. Начал маг — гр. Шрейдер: «Вещь» — старье, долше 4–5 номеров не протянет. Потом Андрей Белый. Шрейдера он сразу успокоил: «Вещь» — серьезный и страшный враг. Через двадцать лет это направление, если мы не одолеем его, завладеет всем. Гражданин Шрейдер, думавший, что все ограничится четырь-

12

«Голос России» 2 апреля проинформировал читателей о том, что «номер 1–2-ой международного обозрения современ[ного] искусства „Вещь“» «вышел и пост[упил] в продажу» (1922, № 932. С. 5). См. также: Рудь. 1922. 2 апреля. № 420. С. 9.

¹³ Вещь. 1922. Март–апрель. № 1–2. С. 28.

мя номерами и его острогами, был несколько смущен. Андрей Белый призывал к борьбе с «Вещью» (в кавычках и без оных). Нас он уверял в том, что мы видим только машину, а машина поработает человека. Редакторов «Вещи» (сильно этим сконфуженных) он окрестил «личинами Антихриста». Мы отвечали: Одержимы машиной вы. Вы же так боитесь, что за ней не видите другого. Для нас машина — вещь. Мы не хотим ни делать ее портреты, ни слагать ей мадригалы. Для нас она — урок <...> Не мы служим машине, — машина — нам. Верно — сейчас машина угнетает. Но разве произведения искусства не являются частью орудиями поработки? Надо бороться за освобождение вещи — только угнетаемая вещь угнетает человека. Андрей Белый, очень горячо и патетически обвинял «Вещь», но в конце вечера признался, что не только не читал ее еще, но и в глаза не видел. Так все было в порядке. Андрею Белому «Вещь» мы, конечно, послали. Прочет ли он ее теперь? И кто победит? Антрополоф, уходящий все более и более от земли и вещи к абстракции, или мастер, создавший «Эпопею» и другие прекрасные вещи?¹⁴

Масла в огонь разгоревшейся полемики подлила публикация материала под заголовком «Всеякие случаются вещи. Александр Кусиков по поводу». Текст, датированный 25 апреля, увидел свет 30 апреля. Кусиков, с одной стороны, являлся одним из авторов первого номера «Вещи», где излагал свои имажинистские взгляды на поэтическое творчество [Кусиков 1922], с другой — был близок берлинским «Скифам». Последним обстоятельством объясняется обнаружение на страницах «Накануне» доверительного разговора со Шрейдером, в котором издатель «Скифов» недвусмысленно высказывался о своем дегтище. На прямой вопрос Кусикова, зачем он издает «этот журнал», Шрейдер отвечал вполне открыто:

<...> издал я эту «Вещь» только для того, чтобы всем показать ее ничтожество. Хороши ты скиф, коли боишься этой дряни. Прежде всего нужно верить в свои силы <...> сейчас говорю тебе: — если ты веришь в скифство, то не должен бояться «Вещи». После 4 номера этот журнал сам по себе сдохнет, а после 3 номера лишится читателей. Да разве не приятно самому показать ничтожество всей этой публики и их идей. Скифы не бояться «Вещей», а тем более скверных.¹⁵

¹⁴ Крестины «Вещи» // Вещь. 1922. Май. № 3. С. 21.

¹⁵ Накануне. Лит. прил. под ред. гр. А. Н. Толстого. 1922. 30 апреля. С. 5. Кусиков одним из первых обратил внимание публики на принципиальную связь платформы журнала с поэмой Маяковского: «Несколько лет тому назад у футуриста Маяковского появилась книга, подзаголовок которой,

Ответ Шрейдера — в виде открытого письма в редакцию журнала «Вещь», датированного 30 апреля, — был опубликован на страницах ее третьего номера в подборке «Крестины „Вещи“»:

Я в самом деле согласился издавать «Вещь» потому что полагаю, что это наилучший способ борьбы с ее идеологией мне совершенно чуждой. Я в самом деле уверен, что для «Скифства» — «Вещь» не опасна и что преодоление мифа о самодовлеющей Вещи — дело недалекого будущего. Но само собой разумеется, специфический жаргон принес автором для «красоты слога». «Эта дрянь», «ничтожество всей этой публики», «сам по себе сдохнет» — взяты не из моего словаря.¹⁶

Дополнительным свидетельством того, что Шрейдер стремился подчеркнуть верность издательства традиционному «скифским» ценностям, свидетельствует публикация берлинскими «Скифами» в мае уже известной нам статьи Иванова-Разумника отдельным книжным изданием и под новым заголовком — «Владимир Маяковский („Мистерия“ или „Буфф“). Анонсу книги посвящалась целая рекламная страница, размещенная на обложке «Вещи»¹⁷. Согласно плану издательства, ею открывалась «Библиотека „Скифов“», которая должна была включать издания по философии, теории творчества, истории культуры, истории литературы и социологии. Здесь же сообщалось о «готовящейся к печати» книге Шрейдера с полисемантическим названием «Человек, не вещь (Краткий очерк философии народничества)»¹⁸. В «подвальной» части страницы содержалась большая подборка цитат из только что вышедшей книги Иванова-Разумника, посвященных взаимоотношениям человека и Вещи.

История сотрудничества редакции «Вещи» и «скифов» закончилась бесславно. В заметке «Рождение», помещенной в последнем номере журнала, «новаторы» писали с позиций независимой молодой силы, пренебрегающей устаревшей идеологией:

Черным по белому. — «Вещь». Так вот я и думаю, что <...> Берлинская «Вещь», вышедшая в 1922 г., никак не мыслима без «Вещей» Маяковского, давно отошедшего в «забыли»» [там же: 6].

¹⁶ Крестины «Вещи» // Вещь. 1922. Май. № 3. С. 21.

¹⁷ Там же: 23.

¹⁸ В 1923 году А. Шрейдер действительно выпустил в «Скифах» свою книгу «Очерки философии народничества», однако ее текст, написанный в феврале — августе 1919 года в московской тюрьме Бутырки, к полемике вокруг «Вещи» никакого отношения не имел.

«Вещь» думала, что она родилась просто — от брака по расчету редакторов и [здательств]ва «Скифы». В брачном контракте были [здательство]но определены права и обязанности сторон. Главное — издательство обещало не вмешиваться в редакционные дела. Что ж, пожили месяц, выпустили №. Казалось тут бы издательству радоваться. — Нет, вместо этого пошел сплошной скандал! Со стороны можно подумать даже, что это и не по расчету брак, а по любви. Мы думали и [здательство]во как и [здательств]во, ну «Скифы», пусть «Скифы». А вывеска — мало ли какие бывают? Ведь никто, входя в помещение и [здательств]ва «Геликон», не рассчитывает обрести муз? Ошиблись! На Münchener Straße оказывается — скифия и в гр. Шрейдере неожиданно, после первого № Вещи проснулась душа старого скифа. Об этом пробуждении он поспешно извещил берлинское «общественное мнение». Гр. Шрейдер уверяет, что, предложив нам издавать «Вещь», он был полон коварных замыслов ее дискредитировать. Гражданин Шрейдер, на всякого мудреца довольно простоты! Вы переудачили. Мы зовем обрабатывать ваши «скифские просторы». Вы передаете наши призывы и пересылаете наши американские плуги. За всем этим вам предоставляется право верить, что получатели предпочтут не плуги, не то, что должно быть, а пустыри, то есть то, что было + ваш скифский сарказм. Посмотрим! Мы благодарим вас за ваш издательский аппарат. Если б нас захотели издавать не только скифы, но и готтентоты, мы бы тоже не отказались¹⁹.

В мемуарах Эренбург упомянет о прецеденте сотрудничества «скифов» и авангардистов предельно кратко:

«Вещь» выпускало издательство «Скифы». Легко догадаться, насколько революционные славянофилы и неисправимые народники были далеки от идей конструктивизма, которые мы проповедовали. После первого номера они не выдержали и печатно от нас «отмежевались» [Эренбург 1990: 393].

Оставаясь в тени разыгравшихся страстей вокруг журнала «Вещь», Ремизов не только высказал свое мнение в разговоре с руководителем издательства «Скифы», но и внес специфический вклад в «летопись» русского Берлина. Известно, что его заметки, большей частью анонимные, иногда подписанные псевдонимами, в течение двух лет появлялись на страницах периодического издания в обозрениях деятельности русской творческой интеллигенции за границей. Короткие сообщения, нередко включенные в обзорную сводку новостей в таких изданиях, как «Бюллетени Дома

¹⁹ Крестины «Вещи» // Вещь. Май. 1922. № 3. С. 21.

искусств», «Новая русская книга», «Голос России», «Дни», освещали вымышленные культурные события с участием реальных лиц [подробнее см.: Флейшман 1999]. Одна из таких заметок, опубликованных вместе с материалами о заседании в Доме Искусств, посвященном «Вещи», содержала анонс нового издательского предприятия:

В противовес появившемуся художественному журналу Object [так! — Е. О.] — Вещь — Segenstand, созданному кучкой художников «левого» направления (Изд. при «Скифах» А. А. Шрейдера) в Берлине образовалась авангардная ячейка художников, объединенных др. Я. С. Шрейдером, и с осени предполагается издание журнала по типу вещи L'Idée — Понятие — Begriff. Музыка берет на себя П. П. Сувчинский, художества Арнольд Дзеркал (Sehr kalt²⁰), литература же вся в руках Г. С. Киреева²¹.

«Безличностный» стиль хроникальных сообщений едва ли вызвал у берлинских литературных коллег сомнения в их авторстве. Ремизов оперировал мнимыми явлениями, замещающими в контексте Берлина подлинные. Используя рифмы фамилий, он комически обыгрывал деятельность издательства «Скифы»: реальный журнал «Вещь» / вымышленный журнал «Понятие». Однако лишь немногие посвященные могли доподлинно знать, какую роль в судьбе авангардистского журнала «Вещь» довелось сыграть писателю, скрывающемуся под маской анонимного хроникера.

Литература

- Андрей Белый и Иванов-Разумник 1998 — Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / публ., вступ. ст. и коммент. А. В. Лаврова и Дж. Мальмстада; подгот. текста Т. В. Павловой, А. В. Лаврова и Дж. Мальмстада. СПб., 1998.
- Арзубьев 1918 — Арзубьев П. [Губер П.] Предводитель скифов // Наш век. 1918. 17 февраля. № 27. С. 5.
- Иванова 2012 — Иванова Е. Александр Блок: Последние годы жизни. СПб., 2012.
- Иванов-Разумник 1918 — Иванов-Разумник. Две России // Скифы. Пг., 1918. Сб. 2. С. 201–231.

²⁰ Букв.: очень холодно (нем.).

²¹ Голос России. 1922. 30 апреля. № 954. С. 7–8.

- Иванов-Разумник 1922 — Иванов-Разумник. «Мистерия» или «Буфф» (О футуризме) // Иванов-Разумник. Творчество и критика: 1908–1922. Пб., 1922. С. 221–258.
- Кусиков 1922 — Кусиков А. Папа и мама имажинизма // Вещь. 1922. Март–апрель. № 1–2. С. 10–11.
- Кукуй 2010 — Кукуй И. Концепт «вещь» в языке русского авангарда. München; Berlin; Wien, 2010.
- Обатнина 2007 — Обатнина Е. «Золотое подорожие» А. М. Ремизова: Текст и контекст // Русская литература. 2007. № 4. С. 89–107.
- Обатнина 2009 — Обатнина Е. Р. «Крылатый» или «Земляной»? (К истории творческих взаимоотношений А. М. Ремизова и «скифов») // На рубеже двух столетий: Сб. в честь 60-летия А. В. Лаврова. М., 2009. С. 484–495.
- Эренбург 1921 — Эренбург И. О некоторых признаках расцвета российской поэзии // Русская книга. 1921. Сентябрь. № 9. С. 1–5.
- Эренбург 1922 — Эренбург И. А все-таки она вертится. Берлин, 1922.
- Эренбург 1990 — Эренбург И. Люди, годы, жизнь: Воспоминания / подг. текста И. И. Эренбург и Б. Я. Фрезинского; коммент. Б. Я. Фрезинского. В 3 т. М., 1990. Т. 1.
- Флейшман 1999 — Флейшман Л. В кругу ремизовских мистификаций: «Конаклав» Саркофакского // Studies in Modern Russian and Polish Culture and Bibliography. Essays in Honor of Wojciech Zalewski / ed. by L. Fleishman. Stamford, 1999. P. 145–176.

АВАНТЮРНАЯ МОДЕЛЬ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ФУТУРИСТОВ (роман В. В. Каменского «27 приключений Хорга Джойс»)

В дореволюционной России авантюрная проза развивалась на периферии литературного процесса. Объяснялось это как составом читательской аудитории, искавшей в книге прежде всего «серьезное чтение», так и особенностями православного мировосприятия, отрицавшего гордыню героя-авантюриста, не желающего смеяться и бросающего вызов Высшей силе, определенной его место на земле.

Ситуация стала в корне меняться в начале XX века. Так, в «Приключениях Эме Лебефа» М. А. Кузмин использовал весь антураж авантюрного повествования XVIII века. С точки зрения принципов «кларизма» авантюрная повесть была привлекательна как устойчивая структура, требующая чисто литературного восприятия. Среди ее особенностей — относительная самостоятельность эпизодов, связанных между собой общим героем; отсутствие психологического обоснования поведения персонажей; орнаментальная роль пейзажа и бытовых подробностей; постоянный набор сюжетных компонентов — мотивы переодевания, похищения, измены, тайны, узнавания, плена, кораблекрушения и т. п.; условность «сказочного» пространства / времени.

В социально-бытовой прозе бытие определяется заранее заданными социальными рамками, она «ограничена бытом». Автор не может кардинально изменить условия существования героя. Персонаж авантюрного повествования, напротив, обязательно попадает в мир неожиданностей, а соответственно и тип конфликта уже не вытекает непосредственно из социально-бытовой характеристики героя. Мир, в котором оказывается герой, является для него миром «сказочным» [подробнее об авантюрной прозе см.: Николаев 2006].

В начале 1920-х годов обращение к авантюрной прозе в русской литературе было связано, с одной стороны, с жанровыми ис-

Материалы международной научной конференции
(Женева, 10–12 апреля 2013 г.)

1913

СЛОВО

КАКЪ ТАКОВОЕ

к юбилейному году русского футуризма

Составление и научная редакция
Жан-Филитта Жаккара и Анник Морар

Редактор
Петр Казарновский

Санкт-Петербург, 2015. 131 с. ISBN 978-5-87919-102-1